Автор Артамонов И. С.

Игорь Артамонов

Моя Ми

«Издательские решения»

Артамонов И. С.

Моя Ми / И. С. Артамонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507851-3

Пять рассказов не для всех, но обо всех. Скромное рождение новой литературной вселенной, которая только начала свою жизнь. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-507851-3

© Артамонов И. С.
© Издательские решения

Содержание

Краткий список фраз на похоронах 6
Моя Ми 7
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Моя Ми

Игорь Сергеевич Артамонов

© Игорь Сергеевич Артамонов, 2019

ISBN 978-5-0050-7851-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я посвящаю этот сборник своей доченьке.
Мы все тебя очень любим и помним.
Ты навсегда останешься в наших сердцах:
МОЯ МИ

Краткий список фраз на похоронах

– Бог дал, Бог взял.

– С кем не бывает

– У меня нет слов.

– Царствие небесное

– Время лечит

– Еще родите

– Земля пухом

– Покойся с миром

– Как я вас понимаю

– У меня так дед умер

– Все там будем

– Это жизнь

– Вам нужно это пережить

– Значит, так было нужно

– Пути Господни неисповедимы

Моя Ми

– Прочти три раза!

– Нет.

– Тогда я убью… – человек с пистолетом на секунду задумался. Он посмотрел на сидящих рядом со связанным мужчиной, женщину и маленькую девочку лет трех от силы. Обе они были связаны. Только кляп во рту отличал их от главы семейства.– Пожалуй, начну с твоей жены, – решительно сказал человек с пистолетом.

– Брат, остановись. Мы найдем другой способ, – молил связанный человек.

Прозвучал выстрел. Пуля попала женщине прямо в глаз. Она упала лицом вниз и лужа крови из ее глазницы стала медленно растекаться по кавролину.

– Нет. О господи. Зачем? Софа. Моя Софочка, – застонал связанный мужчина. Его маленькая дочь билась в истерике, она припала к голове матери и вся измазалась в ее крови. Это было безумием.

– Нет другого способа. Читай, Саша, – спокойно сказал человек с пистолетом.– Читай, иначе следующей будет твоя дочь, – с этими словами он сунул листик с каракулями в лицо своей жертве.

Связанный мужчина затих. Глаза его стали стеклянными. Он перевел дыхание и начал читать.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу, – произнес он слипающимися губами.

– Читай еще раз!

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу.

– Еще, – устало сказал человек с пистолетом.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу, – произнес связанный мужчина в третий раз. Зрачки его побелели. Тело его стало чернеть, рассыпаться и вскоре превратилось в пепел.

Мужчина с пистолетом встал и направился к выходу. На пороге он обернулся. Маленькая девочка без сознания лежала в луже крови своей матери.

– Я пришлю кого-нибудь за тобой, – сказал мужчина и вышел на улицу. Где-то неподалеку взорвалась машина. Гул от взрыва немного оглушил его. Но не удивил. На улице стояла глубокая ночь, освещаемая заревом пожаров. Мир полыхал в огне не первый день. Мужчина поплотнее укутался в ворот пальто и двинулся в путь. Он шел вдоль брошенных машин и разбитых окон домов к единственному человеку, которого любил.

***

Дверь открылась, и в кабинет заглянул молодой парень в форме.

– Привет, Коля, – сказал он.– Там женщина пришла. По твоему участку. Говорит: сына убили. Чушь какую-то несет. Она к тебе рвется. Пустить или ты…?

– Сам спущусь, – резко перебил его Николай.

– Ага, – кивнул парень и исчез за дверью.

Николай педантично сложил бумаги. Выровнял по углу стола листок с почти законченным протоколом задержания очередного дебошира и резко встал. Он одернул полицейскую форму участкового и решительно вышел из кабинета.

Женщина, бесновавшаяся в дежурке, оказалась старой знакомой Николая. Риту Васильевну на районе знали все. Соседи каждую неделю писали на нее жалобы и заявления. Пьянь и дебоширка, она и ее сын Вовчик были частыми гостями участкового отдела полиции. Но ни разу по своей воле. И тем удивительнее и тревожнее казался этот добровольный визит пьяницы в «мусарню», как выражалась сама Ритка.

– Он просто растворился в воздухе. Превратился в пепел, – вопила она. От нее изрядно несло перегаром.– Этот мудак дал моему сыночку какой-то листок и попросил прочитать. И он… Ааах. А, бля, как больно, – застонала Рита Васильевна и схватилась за сердце.

– Миша, вызывай скорую, – приказал дежурному Николай и усадил побледневшую старую женщину на стул, стоявший в тамбуре дежурки. Губы Риты Васильевны побелели. Она начала бредить.

– Он превратился в пепел. Мой сын теперь горстка пепла, – в холодном поту шепотом твердила она.

– Белочка, – пожав плечами, сказал дежурный, когда скорая увезла пьяную, сумасшедшую бабку.

– Да. Похоже на то, – согласился Николай.– И все же схожу к ним домой. Проведаю Вовчика, – буркнул он себе под нос.

– Так он же в пепел превратился, – сказал дежурный и усмехнулся.

– Ну да. Ну да, – задумчиво ответил Николай.

Дверь, ведущая в квартиру Риты Васильевны, была заперта. На звонки и стуки никто не отвечал. Это было странно. Вовчик никогда не покидал свое жилище. В Чечне ему оторвало ногу. А потому передвигался он исключительно при помощи костыля и только в пределах своей квартиры. Выпивку и еду ему всегда приносила мать.

– Наверно нажрался, как тварь и спит, ни хрена не слышит, – подумал Николай.– Из квартиры воняло мочой, сигаретами и чем-то сладковато гнилостным.– М-да, скорее всего, нажрался, – задумчиво сказал Николай вслух и позвонил в соседнюю дверь.

– Здравствуйте, Николай Всеволодович, – сказала открывшая ему дверь пожилая старушка. Несмотря на свой преклонный возраст, она была очень ухоженной. И вред ли ей кто-нибудь дал больше 60 лет, хотя ей было глубоко за семьдесят. Поговаривали, что к ней до сих пор хаживало парочка ухажёров по моложе ее лет на 20-ть.

– Добрый день, Антонина. Скажите, пожалуйста, когда вы в последний раз видели ваших соседей? – спросил Николай.

– Что опять натворили эти ироды? – со злостью и омерзением спросила она.

– В этот раз ничего, – ответил Николай и вопросительно посмотрел на соседку.

– Да, житья от них нет, – пожаловалась Антонина.– С утра вот опять дебоширили. Ритка что-то вопила не своим голосом. А потом выскочила из квартиры и понеслась вниз по лестнице. Да так бежала, что весь дом трясся. Корова старая, – сказала соседка.

– Может у них был кто-то в гостях, за последнее время? – поинтересовался Николай.

– Да у них постоянно всякая шушера, да пьянь собирается. А вот сегодня был тоже один. Приличный с виду такой. Интеллигентный. Я даже удивилась, что он к ним пришел. Побыл с полчаса и ушел.

– Любопытно, – с интересом сказал Николай.– А он на машине был?

– Вот этого не знаю, – развела руками Антонина. – Ритка вслед за ним выскочила. Я к глазку побежала посмотреть, что случилось. Так орала она. А когда в окно, на улицу выглянула его и след простыл.

– Антонина, а можно я через вас к ним? Как в прошлый раз? – спросил Николай.

– И не лень вам с балкона на балкон прыгать, – неодобрительно пробурчала соседка, пропуская Николая в свою квартиру.– Жизнью рискуете и ради кого? Поделом этой Ринке. Колдовка она и сын потому без ноги у нее. Сдохла бы она вместе с выродком своим, всем бы только легче стало.

– Работа у меня такая, – сказал Николай. Он уже открыл окно лоджии и перелазил на балкон Риты Васильевны.

– Работа, – буркнула Антонина.– Все бы так работали. Давно как в Европе жили бы.– Но Николай этого уже не слышал, он перебрался в квартиру Риты Васильевны.

Рядом с креслом, в котором обычно сидел Вовчик валялся костыль. Без него он далеко уйти не мог. Николай подошел поближе и ощупал обивку кресла. Ее покрывал странный серовато белый пепел. Он растер его пальцами, поднес к носу и тут же с омерзением вытер руку о ковер на полу. Отвратный сладковато гнилостный запах, который Николай почувствовал еще на подходе к двери в квартиру алкашей, исходил отсюда.

Вытирая руку, Николай заметил клочок бумаги, валяющийся на полу. Он поднял его. На листке была написана непонятная тарабарщина. Участковый бережно свернул листок и положил в карман. Он тщательно осмотрел квартиру и не найдя Вовчика вышел на лестничный пролет, где его уже ждала изнывающая от любопытства соседка. Николай еще раз расспросил ее о загадочном госте, но ничего нового для себя не узнал и, распрощавшись с Антониной, спустился вниз.

Он вышел из подъезда, достал телефон и стал ковыряться в контактах. С Вовчиком действительно случилось что-то не ладное. Нужно было вызывать следаков. Николай понимал, что никто в этом деле копаться не станет. Всем плевать на такую «грязь», как Вовчик и Ритка. А потому его звонок в следственный отдел являлся простой формальностью. Но что он мог еще сделать? И тут ему на глаза попалась камера наблюдения, висящая на стене магазина расположившегося в цокольном этаже дома напротив. Ее объектив смотрел прямо на вход в подъезд. Николай положил сотовый обратно в карман и направился к магазину.

После долгих уверений, что жесткий диск вернется в магазин до вечера, охранник магазина сдался и отдал записи видеонаблюдении. Николай, довольный своей маленькой победой, спешно направился обратно в участок.

Как он и предполагал, камера засняла таинственного гостя и его машину. Дальнейшее было делом техники. Через пару часов у Николая на руках был адрес подозреваемого. Он жил неподалеку, в том же микрорайоне, что и Вовчик. Уже стемнело, когда он набрал на домофоне 127. Никто ему не ответил. Тогда Николай набрал 128. Прозвучало тихое пиликанье.

– Да. Кто это? – услышал он женский голос в домофоне.

– Извините за беспокойство, – сказал Николай.– Я участковый, Николай Всеволодович Бондаренко. Ваши соседи из 127 квартиры не отвечают. Вы не знаете дома они или нет?

– Заходите. Я сама уже хотела вас вызывать, – обеспокойно ответил голос, и дверь в подъезд открылась.

Николай поднялся на третий этаж, где его встретила полоумная дама лет сорока, с химической завивкой на голове в бабушачьем домашнем халате. Среднестатистическая домохозяйка запустившая свой внешний вид до нельзя.

– Здравствуйте, – возбужденно поприветствовала она Николая.– Вы к Никите Андреевичу?

– Да, – ответил Николай.

– Он уехал пару часов назад, – сказала женщина.

– А куда не говорил? – спросил Николай.

– Куда – нет. Но вот с кем, – женщина побледнела и перекрестилась.– Я потому и хотела вас вызывать. Тут бесовщина какая-то происходит, – и она стала тараторить молитву и креститься.

– Давайте по существу, – перебил ее Николай.

– По существу говорите, – немного с обидой сказала женщина.– Ну так вот. Если по существу, у него дочка умерла с месяц назад. Погибла в автокатастрофе. Похороны были. Страшная авария. В закрытом гробу хоронили. Представляете? – чуть наклонившись к Николаю, шепотом сказала она. И тот многозначительно кивнул, подыгрывая ей.– Так вот. После смерти дочки

Никита Андреевич в себя ушел. Рыдал день и ночь. Стены у нас тонкие. Я все это слышала. Так горько плакал. У меня аж сердце сжималось.

– Какое это имеет отношение?..

– Дослушайте, – сказала женщина.– Так вот. Никита Андреевич – уважаемый человек. Доктор наук. В институте научном работает. В общем, с неделю назад затих он. Смирился что ли. На работу снова ходить начал. Я уже перекрестилась. К иконке божьей матери в церковь сходила. Свечку поставила, чтобы дала она ему душевный покой. Не могла я уже его вой и плачь терпеть. А сегодня слышу, в квартире у него, толи стон, толи смех. Ходит кто-то. Никита Андреевич ушел с утра. А в квартире и быть больше никого не могло. Он вдовец. Только дочь и была. Да померла же. Я уже полицию вызывать хотела, а тут он забегает. Смеется, обнимает кого-то. Я удивилась, кто там с ним. Спустя время слышу, дверь его квартиры открывается. Ну, я в глазок смотреть. А там он и… дочь его. Понимаете, – женщина странно хихикнула.– Вы только не подумайте, что я сумасшедшая. Я точно знаю, что видела. Это точно дочка его была и никто другой, – женщина не на шутку забеспокоилась.

– Все хорошо, не нервничайте так, – успокоил ее Николай.– А куда они поехать могли?

– У него дача в Подмосковье. Наверно туда. Я вам адрес дам. А больше не знаю куда. Только знайте, я не сумасшедшая. Это точно дочка его. Я ее с рождения знаю и ни с кем не перепутаю. Вы мне верите?

– Верю, – убедительно сказал Николай.

– А может они аферу, какую провернули? – не угоманивалась женщина.– Гроб то закрытый был. Мало ли кого похоронили вместо нее. Может из-за страховки. Хотя я не слыша чтоб его дочь застрахована была. Да и плакать тогда зачем? И так горько. Не сыграть так.

– Будем выяснять, – сказал Николай.– Давайте адрес.

До дачи Николай добрался глубоко за полночь. В небольшом дачном домике горел тусклый свет. Из дома то и дело доносился веселый смех. А неподалеку во дворе стояла та самая машина, которую засняла камера у подъезда Риты Васильевны.

– Нашел, – довольно хмыкнул Николай.– Теперь нужно поосторожнее. Тактика и стратегия. Сначала разведка. Потом действия.– Он крадучись подошел к дому и осторожно заглянул в окно.

Никита Андреевич и миловидная девушка сидели на тахте в углу комнаты и что-то весело осуждали. Девушка то и дело размашисто жестикулировала, а он смотрел на нее. Любовался ею. Взгляд этот был знаком Николаю. Так может смотреть только отец на свою дочь. С гордостью и безграничной любовью.

Ничего опасного и удивительного Николай через окно не увидел. Никаких темных сил. Никаких людей превращающихся в пепел. Просто отец и дочь уехали на дачу. А нелепая история рассказанная соседкой Никиты Андреевича, теперь и подавно казалось обычным бредом сумасшедшей женщины. Николай уже собирался идти ко входу в дом и просто опросить хозяина дачи. Выяснить, зачем он приходил к Рите Васильевне и что же все- таки произошло с Вовчиком.

Неожиданно зазвонил телефон. Звонок этот напугал, оглушил Николая. Он стал в панике шарить по карманам в поисках смартфона и на секунду забыл об осторожности. Глухой выстрел нарушил тишину глубокой ночи. Осколки разбитого стекла посыпались Николаю на голову. Он пригнулся и наугад выстрелил в сторону нападавшего. Осторожно, пригибаясь, он заглянул краем глаза в комнату. Никита Андреевич стоял без движения. В руке его повис разряженный, переделанный из ружья обрез. У его ног в предсмертной агонии корчилась девушка. Шальная пуля попала ей в шею, и она захлебывалась в собственной крови. Николай встал в полный рост и направил пистолет на Никиту Андреевича. Тот даже не шелохнулся. Девушка замерла, она издала мерзкий хлюпающий звук, похожий на вздох и рассыпалась в пыль и пепел. Увиденное обескуражило Николая, но он тут же взял себя в руки.

– Брось обрез! – рявкнул разъярённый Николай. Старик посмотрел на Николая пустыми глазами.

– Брось иначе буду стрелять! – Никита Андреевич повиновался и медленно положил ружье на пол.

Он посмотрел в глаза Николаю и сказал:

– Вы не понимаете, что натворили.

– Заткнись, урод! Руки! Чтоб я видел. Через окно и без глупостей, – скомандовал Николай и разбил дулом пистолета остатки стекол мешавших Никите Андреевичу вылезти через окно.

Через пару минут Николай, выкрикивая грязные ругательства, заводил машину. А Никита Андреевич валялся в наручниках на заднем сидении. Пожилой, щуплый, с жиденькой бородкой этот старичок едва ли походил на бандита и афериста. К сожалению, иногда внешность бывает обманчива.

Николай достал злосчастный телефон. Нужно было вызвать наряд на место преступления. На экране телефона высветился пропущенный от жены.

– Она меня когда-нибудь в могилу сведет, – подумал про себя Николай и усмехнулся. Именно звонок его жены вызвал столь стремительную развязку событий. Николай содрогнулся, вспомнив про убитую девушку. Она ведь превратилась в пепел. Произошедшее не укладывалось у него в голове.

– Да и черт с ним. Пусть дальше следаки со всей этой херней разбираются, – подумал он.

Зазвонил телефон. Николай сделал глубокий вдох и поднял трубку.

– Да, кисюня моя, – как можно спокойнее сказал он.

– Наша дочь. Она… Она… – жена Николая захлебывалась от плача.

– Что случилось? – испуганно спросил Николай.

– Она ворочалась в кроватке… Мы тебя ждали… ей не спалось… А потом она… она исчезла… Я вся в пепле… Я вся в нашей Ми.

Николай побледнел и обернулся к Никите Андреевичу. Их глаза вновь встретились.

– Я же сказал: «Вы не знаете, что натворили», – сказал старик.

– Заткнись, мразь, – Николая охватил неуправляемый гнев. Он схватил пистолет и хотел выстрелить старику прямо в лицо. Но лишь ударил его рукояткой по голове. Никита Андреевич обмяк и безвольно завалился на задние сидения машины. Тонкая струйка крови потекла из рассеченной брови на обивку кресел. Николай дал по газам и пулей помчался к своему дому.

На пороге его встретила заплаканная, обезумевшая от горя жена. Он отстранил ее и неуверенно побрел в детскую. Туда где спала его любимая доченька. Но ее там не было. Белый пепел устилал кроватку, на которой спала его Ми. Знакомый сладковато-гнилостный запах ударил Николаю в нос. Его охватила апатия. Словно сомнамбула вышел он из детской.

Все это время жена неотступно следовала за ним. Как маленький ребенок, она дергала его за руку, заглядывала в глаза и спрашивала:

– Где наша Ми? Скажи мне. Ты ведь знаешь. Где она? Где она? Где наша Ми, дорогой? Где она? Где же? Не прячь ее. Хватит. Где она? – и так без конца. От жены исходил тошнотворный сладковато-гнилостный запах. Он смешался с запахом ее духов и вызывал у Николая рвотные позывы. Он сел на пуфик в прихожей и схватился за голову.

– Где она? Ты ведь знаешь, где, – шептала обезумевшая от горя жена.-Где? Не прячь. Верни. Хватит шутить. Где наша Ми? – И Николай знал человека, у которого был ответ на этот вопрос. Он собирался размозжить ему голову, если понадобиться и вынуть этот ответ прямо из его пульсирующего умирающего мозга.

– Никому не открывай. Я верну ее. Обязательно верну, – сказал Николай жене и вышел.

Никита Андреевич сидел в машине под домом Николая и пытался освободиться от наручников. Дурная затея. Участковый плотно застегнул их, и старик изрезал все запястья в кровь,

пытаясь освободиться от оков. Он повернулся спиной к двери и подергал ручку. К его удивлению дверь машины открылась, и он неуклюже плюхнулся на твердый асфальт. Как жук он барахтался на дороге пытаясь встать на ноги и спустя какое-то время ему это удалось. Он уже собирался бежать, когда твердая рука Николая схватила его за шею и пригвоздила к служебной машине.

– Где моя дочь? – шепотом спросил Николай. И в вопросе этом были боль и угроза настолько сильные, что у Никиты Андреевича засосало под ложечкой.– Говори, иначе я раздавлю тебя, как таракана.

– Ее можно вернуть, – прохрипел старик.

– Как? – прошипел Николай

– Обменять ее жизнь, на жизнь другого.

– Что ты несешь, старик. Я убью тебя, если ты сейчас же не вернешь мою Ми.

– У вас есть на примете человек не достойный жизни? – спросил с натугой старик. Николай крепко держал его за горло.– У каждого есть такой. Подумайте, – моляще добавил он.

– Да, есть одна тварь. Педофил, – ослабив хватку, ответил Николай. Он удивился тому, с какой легкостью поверил старику. И еще больше поразился тому, что запросто готов убить любого лишь бы жила его любимая Ми.

– Тогда отвезите меня к нему, и я верну вам вашу дочь. А потом вы поможете мне, – вкрадчиво сказал старик.– Вместе мы исправим эту оплошность.

Горе сломало Николая. Он сдался. Поверил безумным словам старика, потому что хотел в них верить. Даже если Никита Андреевич врал – эта ложь была единственной ниточкой, не дающей Николаю провалиться в пропасть безумия. Виски его пульсировали, сердце с натугой качало кровь.

– Поехали, – сказал Николай, заталкивая старика в машину.

Дом педофила находился в деревне недалеко от города. Николай угрюмо вел машину. Невыносимое, непомерное горе утраты придавило его к водительскому креслу. Он свято верил в то, что старик, сидящий на заднем сидении, способен вернуть его дочь. И потому он больше не задавал ему ни каких вопросов. Да и не надо было. Никиту Андреевича словно прорвало. Ему необходимо было с кем-то поделиться тем, что с ним произошло.

– И вы только послушайте, – с жаром в голосе говорил старик.– Я думал все. Потерял ее. Мою неповторимую Агату. Жена умерла в родах. Я вырастил ее в одиночку. Воспитал. Дал образование. Ухаживал за ней, как за капризным, нежным цветком. Она хотела красивую одежду. Я покупал. Она ела самую дорогую еду и пользовалась только французской косметикой. А когда она захотела водить, я купил ей права и машину. А потом авария. И темнота. Пелена боли и казалось, нет ей конца. Да, я плакал и не стыжусь этого. Ведь я любил только ее, а она меня. У меня кроме нее никого не осталось. И тут этот обелиск. Его привезли из Сирии. Там война сейчас и наши войска вывозят оттуда древние артефакты и памятники старины. Спасают от вандалов. Это все конечно без огласки происходит. А то ведь скандал мирового масштаба. Кому объяснишь, что спасаешь историю. Все скажут, что воруешь, пока в стране бардак и война. Ну да, не важно это. А я – доктор наук, между прочим, – старик сделал паузу, видимо ожидая от Николая какой-то реакции, но так ее и не дождавшись, продолжил.– Мертвые языки Месопотамии. Шумерские диалекты – это моя стихия. И когда привезли артефакт, меня в срочном порядке вызвали на работу. Я решил, что хоть так отвлекусь. Я ведь почти с ума сошел от горя за эти три недели.

– Когда привезли обелиск, я холод почувствовал и еще нечто. Такой сладковато-гнилостный запах. У короба, в котором его привезли, доски прогнили и я подумал, что это от них. В общем, я с головой окунулся в работу, и вы знаете, горе никуда не ушло. И боль утраты стала еще сильнее. Но когда я с головой уходил в работу, боль отступала, и даже становилось немного

легче, – старик замолчал. Он поделился с Николаем очень сокровенным и ждал от своего слушателя понимания. Николай молча вел машину.

– Обелиск походил на надгробную плиту, – продолжил Никита Андреевич.– Такой же плоский со скругленным верхом. И смысл текста высеченного на нем звучал как надгробная эпитафия. Но я сразу заметил некую странность в тексте. Клинопись, высеченная на обелиске, немного отличалась от тех, что я видел раньше. Тут полоска была наклонена немного правее, там расстояния между клинышками были чуть больше. Как будто древний автор спрятал внутри обычного текста что-то еще. Тогда я с другой стороны подошел к переводу и обнаружил внутри простого описания обряда погребения тайное послание. Оно гласило: Если ты хочешь вернуть к жизни любимого человека, забери жизнь у другого. Пусть жертва три раза произнесет «Ангиг мула га гелем ши киган мулу» и грязный демон вернет тебе того кого ты любишь, взамен жизни другого. И никто больше не сможет у тебя забрать воскресшего. Ибо каждый живой знает, как ужасно наказание за убийство воскресшего.

– Конечно, тогда я подумал, что все это бред. Но об открытии никому не рассказал. Мой воспаленный мозг цеплялся за любую самую бредовую возможность вернуть мою любимую дочь. И я решил попробовать. В конце концов, что я терял? Я выбрал человека. Пьяницу. Он всем только мешал, как гнойная язва на теле. За бутылку водки он прочел заклинание и… превратился в пепел у меня на глазах. Вы можете себе представить, насколько я был изумлен и напуган в ту секунду. Только тогда я понял, что заклинание действует. А дальше вы знаете, что было. Этот нелепый случай у меня на даче. Я боялся за свою дочь. Что у меня ее снова заберут. Не знал, к чему еще обязывает заклинание. Ведь всем известно, что в воскрешении мертвых нет ничего хорошего. Но я был готов защитить свою дочь любым способом. А потом вы под моим окном. Я испугался. Оружие было у меня под рукой. Я промахнулся. А вы… убили мою дочь. Обелиск не врал. Кара за убийство воскресшего страшна и справедлива. Вы убили мою дочь и обелиск забрал вашу. Но все можно исправить, – в неистовом безумии застонал Никита Андреевич.– В мире столько «падали» не достойной жизни. Вы ведь со мной согласны?

– Рита Васильевна. Она наверно обезумела от горя, – ответил Николай.

– Какая Рита Васильевна? – растерянно спросил старик.

– Не важно. Мы на месте, – сказал Николай.

Педофил жил в ветхой старой избе на краю деревни. Двор окружал покосившийся полусгнивший деревянный забор, покрытый мхом и плесенью. Окна с разбитыми стеклами были завешены старыми дырявыми тряпками. Ветер раскачивал ставни окон, и ржавые петли уныло скрипели в такт ветру. Было раннее осеннее утро. Клочки тумана отрывались от земли и неуверенно поднимались вверх.

Николай повернулся к старику.

– Дайте мне листок бумаги. Я напишу вам заклинание, – сказал Никита Андреевич.

– Вот это? – спросил Николай, достав из кармана клочок бумаги, найденный у Вовчика в квартире.

– Откуда? – удивился старик.

– Вы оставили его на месте преступления, – горестно сказал Николай

– Не повторяйте моих ошибок, – так же горестно сказал старик.

– Уже повторяю, – ответил Николай и решительно вышел из машины.

– Три раза. Надо чтобы он прочел это три раза подряд, – прокричал ему в след Никита Андреевич.

Николай подошел ко входу в избу и постучал. А потом еще и еще. Пока не услышал недовольный голос хозяина.

– Какого хрена так рано заявилась, маленькая шалава?

Николай постучал еще раз.

– Да заходи, бля. Дура что ли? Открыто же. Проголодалась опять? Ну, сначала придется отсосать. А потом так и быть я тебя покормлю, моя шалавенка, – прохрипел сонным голосом педофил.

Николай зашел в избу. Здесь нещадно пахло мочой и нестиранным бельем. Гнилые стены избы пропитались запахом сырого табачного дыма.

– Какого черта тебе здесь надо, мент, – педофил поспешно вылез из под горы одеял и агрессивно уставился на Николая опухшими от многодневной попойки глазами.

На дворе стоял ноябрь месяц, и в не протопленной избе было безумно холодно. Даже холоднее чем на улице. Николай подошел к педофилу и сунул в нос листок с заклинанием.

– Прочти, – спокойно сказал он.

– Ты что сдурел? – оскалился педофил.– Я свое отсидел. Ты нахрена сюда приперся?

Николай достал пистолет и приставил ледяное дуло ко лбу педофила.

– Читай, – хладнокровно сказал он.– Прочти три раза и я уйду.

Педофил изменился в лице. Дуло пистолета приставленное к голове отрезвило его. Он посмотрел на листок и глаза его стали стеклянными.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу, – прочел педофил.

– Еще раз, – приказал Николай и педофил повиновался.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу, – произнес он.

– Еще раз, – дрожащим голосом, почти неслышно сказал Николай.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу, – прохрипел педофил. Он стал мертвенно бледным. Тело его огрубело. Оно стало твердым и хрупким как уголь. А потом рассыпалось в пыль. Николай почувствовал до боли знакомый сладковато-гнилостный запах и поспешно выбежал из избы.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку.

– Котик?

– Да, любимая.

– Ми дома. Она в шкафу пряталась. Представляешь. Мы просто не могли ее найти. Она хитрюга у нас, видишь какая. Возвращайся домой. Мы соскучились.

– Скоро буду, кисюля, – он повесил трубку и зарыдал. Слезы счастья катились по его щекам. Его любимая доченька снова была дома. Он, пошатываясь, добрел до машины и плюхнулся на водительское сидение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.